

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод Анатолия Гелескула

1

Firma del alumno.

Federico Garcia Lorca

[Loco por Lorca](#)

ICHEBNIK.ru

Образовательный онлайн-сервис

EL POETA PIDE A SU AMOR QUE LE ESCRIBA

Amor de mis entrañas, viva muerte,
en vano espero tu palabra escrita
y pienso, con la flor que se marchita,
que si vivo sin mí quiero perderte.

El aire es inmortal. La piedra inerte
ni conoce la sombra ni la evita.
Corazón interior no necesita
la miel helada que la luna vierte.

Pero yo te sufrí. Rasgué mis venas,
tigre y paloma, sobre tu cintura
en duelo de mordiscos y azucenas.

Llena, pues, de palabras mi locura
o déjame vivir en mi serena
noche del alma para siempre oscura.

EL POETA HABLA POR TELEFONO CON EL AMOR

Tu voz regó la duna de mi pecho
en la dulce cabina de madera.
Por el sur de mis pies fue primavera
y al norte de mi frente flor de helecho.

Pino de luz por el espacio estrecho
cantó sin alborada y sementera
y mi llanto prendió por vez primera
coronas de esperanza por el techo.

Dulce y lejana voz por mi vertida.
Dulce y lejana voz por mi gustada.
Lejana y dulce voz adormecida.

Lejana como oscura corza herida.
Dulce como un sollozo en la nevada.
¡Lejana y dulce en tuétano metida!

СОНЕТ О ПИСЬМЕ

Любовь до боли, смерть моя живая,
жду весточки — и дни подобны годам.
Забыв себя, стою под небосводом,
забыть тебя пугаясь и желая.

Ветра и камни вечны. Мостовая
бесчувственна к восходам и заходам.
И не пьянит луна морозным мёдом
глубин души, где темень гробовая.

Но за тебя шёл бой когтей и лилий,
звериных смут и неги голубиной,
я выстрадал тебя, и вскрыты жилы.

Так хоть бы письма бред мой утолили,
или верни меня в мои глубины
к потёмкам, беспросветным до могилы!

ПОЭТ ГОВОРIT СО СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ

Я прынул к телефону, словно к манне
небесной среди мертвенного зноя.
Пески дышали южною весной,
цвёл папоротник в северном тумане.

Откуда-то из тёмной глухомани
запела даль рассветною сосною,
и как венок надежды надо мною
плыл голос твой, вибрируя в мембране.

Далёкий голос, нежный и неверный,
затерянный, затихший дрожью в теле.
Такой далёкий, словно из-за гроба.

Затерянный, как раненая серна.
Затихший, как рыдание в метели.
И каждой жилке внятный до озноба!

LLAGAS DE AMOR

Esta luz, este fuego que devora.
Este paisaje gris que me rodea.
Este dolor por una sola idea.
Esta angustia de cielo, mundo y hora.

Este llanto de sangre que decora
lira sin pulso ya, lúbrica tea.
Este peso del mar que me golpea.
Este alacrán que por mi pecho mora.

Son guirnaldas de amor, cama de herido,
donde sin sueño, sueño tu presencia
entre las ruinas de mi pecho hundido.

Y aunque busco la cumbre de prudencia
me da tu corazón valle tendido
con cicuta y pasión de amarga ciencia.

DEL AMOR AMARGA

Tengo miedo a perder la maravilla
de tus ojos de estatua, y el acento
que de noche me pone en la mejilla
la solitaria rosa de tu aliento.

Tengo pena de ser en esta orilla
tronco sin ramas; y lo que más siento
es no tener la flor, pulpa o arcilla,
para el gusano de mi sufrimiento.

Si tú eres el tesoro oculto mío,
si eres mi cruz y mi dolor mojado,
si soy el perro de tu señorío,

no me dejes perder lo que he ganado
y decora las aguas de tu río
con hojas de mi otoño enajenado.

ТЕРНИСТАЯ ЛЮБОВЬ

Вся мощь огня, бесчувственного к стонам,
весь белый свет, одетый серой тенью,
тоска по небу, миру и мгновенью
и новый вал ударом многотонным.

Кровавый плач срывающимся тоном,
рука на струнах белого каленья
и одержимость, но без ослепления,
и сердце в дар — на гнёзда скорпионам.

Таков венец любви в жилище смуты,
где снишься наяву бессонной ранью
и сочтены последние минуты,

и несмотря на все мои старанья
ты вновь меня ведёшь в поля цикуты
крутой дорогой горького познания.

О НЕЖНОЙ ГОРЕЧИ

Мне страшно не вернуться к чудоцветам,
твоим глазам живого изваянья.
Мне страшно вспоминать перед рассветом,
как на щеке цвело твоё дыхание.

Мне горько, что безлиственным скелетом,
засохший ствол, истлею в ожиданье,
неутолённым и неотогретым
похоронив червивое страданье.

И если ты мой клад, заклятый роком,
мой тяжкий крест, которого не сдвину,
и если я лишь пёс, бегущий рядом,—

не отбирай добытого по крохам
и дай мне замести твою стремнину
своим самозабвенным листопадом.

EL AMOR DUERME EN EL PECHO DEL POETA

Tu nunca entenderas lo que te quiero
porque duermes en mi y estas dormido.
Yo te oculto llorando, perseguido
por una voz de penetrante acero.

Norma que agita igual carne y lucero
traspasa ya mi pecho dolorido
y las turbias palabras han mordido
las alas de tu espiritu severo.

Grupo de gente salta en los jardines
esperando tu cuerpo y mi agonía
en caballos de luz y verdes crines.

Pero sigue durmiendo, vida mia.
¡Oye mi sangre rota en los violines!
¡Mira que nos acechan todavía!

ЛЮБОВЬ УСНУЛА НА ГРУДИ ПОЭТА

Ты знать не можешь, как тебя люблю я, —
ты спишь во мне, спокойно и устало.
Среди змеиных отзвуков металла
тебя я прячу, плача и целую.

Тела и звёзды грудь мою живую
томили предрешённостью финала,
и злоба твои крылья запятнала,
оставив грязь, как метку ножевую.

А по садам орда людей и ружей,
суля разлуку, скачет к изголовью,
зеленогривы огненные кони.

Не просыпайся, жизнь моя, и слушай,
какие скрипки плещут моей кровью!
Далёк рассвет и нет конца погоне!

LA BALADA DEL AGUA DEL MAR

El mar
sonríe a lo lejos.
Dientes de espuma,
labios de cielo.

—¿Qué vendes, oh joven turbia
con los senos al aire?

—Vendo, señor, el agua
de los mares.

—¿Qué llevas, oh negro joven,
mezclado con tu sangre?

—Llevo, señor, el agua
de los mares.

—¿Esas lágrimas salobres
de dónde vienen, madre?

—Lloro, señor, el agua
de los mares.

—Corazón, ¿y esta amargura
seria, ¿de dónde nace?

—¡Amarga mucho el agua
de los mares!

El mar
sonríe a lo lejos.
Dientes de espuma,
labios de cielo.

БАЛЛАДА МОРСКОЙ ВОДЫ

Море смеется
у края лагуны.
Пенные зубы,
лазурные губы...

– Девушка с бронзовой грудью,
что ты глядишь с тоскою?

– Торгую водой, сеньор мой,
водой морскою.

– Юноша с темной кровью,
что в ней шумит не смолкая?

– Это вода, сеньор мой,
вода морская.

– Мать, отчего твои слезы
льются соленой рекою?

– Плачу водой, сеньор мой,
водой морскою.

– Сердце, скажи мне, сердце, –
откуда горечь такая?

– Слишком горька, сеньор мой,
вода морская...

А море смеется
у края лагуны.
Пенные зубы,
лазурные губы.

DESPEDIDA

Si muero,
dejad el balcón abierto.

El niño come naranjas.
(Desde mi balcón lo veo).

El segador siega el trigo.
(Desde mi balcón lo siento).

¡Si muero,
dejad el balcón abierto!

LA AURORA

La aurora de Nueva York tiene
cuatro columnas de cieno
y un huracán de negras palomas
que chapotean las aguas podridas.

La aurora de Nueva York gime
por las inmensas escaleras
buscando entre las aristas
nardos de angustia dibujada.

La aurora llega y nadie la recibe en su boca
porque allí no hay mañana ni esperanza
posible.
A veces las monedas en enjambres furiosos
taladran y devoran abandonados niños.

Los primeros que salen comprenden con sus
huesos
que no habrá paraíso ni amores
deshojados;
saben que van al cieno de números y leyes,
a los juegos sin arte, a sudores sin fruto.

La luz es sepultada por cadenas y ruidos
en impúdico reto de ciencia sin raíces.
Por los barrios hay gentes que vacilan
insomnes
como recién salidas de un naufragio de
sangre.

ПРОЩАНИЕ

Если умру я –
не закрывайте балкона.

Дети едят апельсины.
(Я это вижу с балкона.)

Жницы сжинают пшеницу.
(Я это слышу с балкона.)

Если умру я –
не закрывайте балкона.

ЗАРЯ

У зари над Нью-Йорком
четыре ослизлых опоры
и вороны ветра,
береляшие затхлую воду.

У зари над Нью-Йорком
ступени безвыходных лестниц,
где в пыли она ищет
печальный рисунок фиалки.

Восходит заря, но ничьих она губ не затеплит –
немыслимо завтра и некуда деться надежде.
Голодные деньги порой прошумят
над бульваром,
спеша расклевать позабытого в парке ребенка,

И кто пробудился, тот чувствует
каждым суставом,
что рая не будет и крохи любви не насытят,
что снова смыкается тина законов и чисел,
трясина бесцветной игры и бесплодного пота.

Рассвет умирает, глухой от кандального лязга,
в содоме заносчивых знаний, отринувших
землю.
И снова, крелясь от бессонницы, тянутся люди,
как будто прибитые к суше кровавым потоком.

ROMANCE DE LA LUNA

La luna vino a la fragua
con su polisón de nardos.
El niño la mira mira.
El niño la está mirando.

En el aire conmovido
mueve la luna sus brazos
y enseña, lúbrica y pura,
sus senos de duro estaño.

Huye luna, luna, luna.
Si vinieran los gitanos,
harían con tu corazón
collares y anillos blancos.

Niño déjame que baile.
Cuando vengan los gitanos,
te encontrarán sobre el yunque
con los ojillos cerrados.

Huye luna, luna, luna,
que ya siento sus caballos.
Niño déjame, no pises,
mi blancor almidonado.

El jinete se acercaba
tocando el tambor del llano.
Dentro de la fragua el niño,
tiene los ojos cerrados.

Por el olivar venían,
bronce y sueño, los gitanos.
Las cabezas levantadas
y los ojos entornados.

¡Cómo canta la zumaya,
ay como canta en el árbol!
Por el cielo va la luna
con el niño de la mano.

Dentro de la fragua lloran,
dando gritos, los gitanos.
El aire la vela, vela.
el aire la está velando.

РОМАНС О ЛУНЕ, ЛУНЕ

Луна в жасминовой шали
явилась в кузню к цыганам.
И сморит, смотрит ребенок,
и смутен взгляд мальчугана.

Луна закинула руки
и дразнит ветер полночный
своей оловянной грудью,
бесстыдной и непорочной.

– Луна, луна моя, скройся!
Если вернутся цыгане,
возьмут они твое сердце
и серебра начеканят.

– Не бойся, мальчик, не бойся,
взгляни, хорош ли мой танец!
Когда вернутся цыгане,
ты будешь спать и не встанешь.

– Луна, луна моя, скройся!
Мне конь почудился дальний.
– Не трогай, мальчик, не трогай
моей прохлады крахмальной!

Летит по дороге всадник
и бьет в барабан округи.
На ледяной наковальне
сложены детские руки.

Прикрыв горделиво веки,
покачиваясь в тумане,
из-за олив выходят
бронза и сон – цыгане.

Где-то сова зарыдала –
Так безутешно и тонко!
За ручку в темное небо
луна уводит ребенка.

Вскрикнули в кузне цыгане,
эхо проплакало в чащах...
А ветры пели и пели
за упокой уходящих.